

Дмитрий Адамидов

Чекист (сценарий)

Москва

2013

УДК 82-293.7

ББК 84-6

А 28

Адамидов, Д.

А28 Чекист (сценарий) / Дмитрий Адамидов. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 172 с.: ил.

ISBN: 978-5-518-40473-1

Давайте будем считать, что это не просто текст, а сценарий. К фильму, который коротко можно охарактеризовать как «анти-Штирлиц». Вернее таким бы его хотел видеть сценарист: стилистически перекликающимся, но с принципиально иным содержанием. Фильм про то, что могло бы стать с человеком (условным «Максим Максимычем Исаевым»), сложись его судьба чуть иначе, и попади он не в разведку, а в контрразведку. Окажись он не в тылу врага, а в водовороте «большого террора» и прочих испытаний сталинского времени. Это история о том, что времена, которые «не выбирают», подчас делают с людьми. И еще о том, насколько легко и быстро наши нынешние «вегетарианские» времена могут вновь стать весьма суровыми.

Фильм по этому сценарию еще не поставлен. Возможно потому, что тут нужна «вторая Татьяна Лиознова», мощный актерский ансамбль и поддержка первых лиц государства. А возможно потому, что общество не вполне готово глубоко и беспристрастно осмыслить историю первой половину XX века. Я столкнулся с этим в ходе попыток договориться о постановке: главного героя хотели видеть исключительно карикатурно: либо исчадием ада, пожирающим невинных жертв, либо непогрешимым ангелом принявшего образ сотрудника НКВД.

Между тем жизнь всегда сложнее штампов. Мне же остается надеяться, что кто-нибудь из читателей, когда-нибудь сможет снять на заданную тему фильм, который не уступит «Семнадцати мгновениям весны» и по глубине, и по популярности.

УДК 82-293.7

ББК 84-6

© Дмитрий Адамидов, 2013

© Lennex Corp., 2013

Предисловие: о так и не снятом кино.

Вообще-то, перед вами киносценарий. А сценарии не особенно принято публиковать. Я могу, пожалуй, припомнить только сборники киносценариев, которые издавались во времена СССР. И то делалось это, скорее всего, с целью выполнить какой-нибудь план, или отчитаться за что-нибудь. Не помню, чтобы из моих знакомых кто-нибудь всерьез пытался читать сценарии. Да и не нужно это никому кроме режиссеров.

Но у меня мотивация несколько иная. Уже достаточно давно, в 2006 году, в Интернете я наткнулся на историю, меня потрясшую. Она доступна в сети вот здесь <http://honestilil.livejournal.com/149845.html>. Я, разумеется, сохранил ссылку и следующие 6 лет периодически к ней возвращался и перечитывал. Каждый раз волосы становились дыбом, но видимо в прошлом году количество перешло в качество – я понял, что именно такая история дает прекрасный повод поговорить о сталинском времени и об истории XX века вообще. Причем именно с тех позиций, которые меня волновали больше всего.

В чем тут сложность? Гражданская война вроде бы официально закончилась много лет назад, но только в том смысле, что стали меньше стрелять на улицах. А в головах у многих постреливает и взрывается до сих пор. Поэтому оценки исторического периода с 1921 по 1953 год и сегодня порой ставят в тупик. Если коротко – очень много штампов и очень мало попыток объективно разобраться в произошедшем. Особенно это заметно в медиа-пространстве: сегодня здесь по большей части бал правят крайности и незыблемость, переходящая временами в истерику. И не очень важно сделано ли это в стилистике съездов ВКП(Б)/КПСС и фильма Александра «Светлый путь», либо наоборот – произведений Солженицына и выступлений Новодворской. Как говорил один из героев Сергея Довлатова: «коммунисты и антикоммунисты – это в сущности одно и то же».

Мне же очень хотелось уйти от штампов. И попробовать понять, как жили не газетно-журнальные, не мифически-начальственные, а вполне обычные люди. В том кошмаре, который тогда творился. В тех условиях, когда понятия добро и зло были искажены настолько, что сегодня себе это и представить сложно.

Тут, пожалуй, уместна аналогия с отображением в советском кинематографе Великой Отечественной войны. В 1973 году, когда на экраны вышел знаменитый фильм «17 мгновений весны» это была первая попытка взглянуть на войну под иным углом зрения, нежели в «Подвиге разведчика», «А зори здесь тихие», или «Горячем снеге». В итоге Штирлиц стал не менее популярен, чем прочие киногерои лент о войне.

Главного героя моей истории, конечно, уместнее назвать «анти-Штирлицем». Условно говоря, это тот же самый Штирлиц, который пошел служить не в разведку, а в контрразведку, или ГУЛАГ. Кстати говоря, в реальности примеров, когда блестящие резиденты внешней разведки, возвращаясь в СССР, становились не менее блестящими надзирателями и организаторами разнообразных «строек социализма» было предостаточно. Но задача у «анти-Штирлица» на самом деле точно такая же: заставить зрителя не следовать навязанным стереотипам, а задуматься. И сделать свои выводы самому, дать свою нравственную оценку тому времени, понять всю его сложность и, по возможности, прекратить гражданскую войну в своей голове, если вы конечно вдруг ещё не сделали этого раньше.

Вот чего я хотел добиться, когда писал этот сценарий. И, наверное, именно по этой причине мне не удалось ни с кем договориться относительно съемок. Продюсеров тоже можно понять: в бизнесе правят бал шаблоны. Если, например, в сценарии сотрудник НКВД есть на завтрак обед и ужин бывших дворян и интеллигентов, ты идешь к «либералам» и просишь денег на ильм под эгидой десталинизации или борьбы с «имперской Россией». Если же, наоборот, чекист предстает в виде непогрешимого ангела, живущего по заветам Дзержинского, то за деньгами прямая дорога в ФСБ – они с удовольствием профинансируют. А тут ерунда какая-то: ни то ни другое. Так что я вполне понимаю, почему из затеи с фильмом ничего не получилось.

Но все же было бы жалко оставить сценарий пылиться в компьютере. Переделывать его в повесть или роман я не стал по одной простой причине: при написании любой крупной литературной формы очень велика вероятность того, что автор непроизвольно скатится в резонанс и начнет навязывать читателю свою позицию. Учить жизни, одним словом. А в данном случае этого категорически нельзя делать по уже озвученным выше причинам.

Поэтому я решил опубликовать текст «как есть». Назовите его лите-

ратурный сценарий, или нелитературное нагромождение знаков и картинок. А лучше всего просто, читая этот текст, вообразите, что смотрите кино. Это будет самое правильное. А картинки по ходу текста и ссылки на музыкальные произведения просто помогут создать нужное настроение. Ну а если кто-то из вас захочет по прочтении снять свой фильм – это будет вообще великолепно!

В завершении обязательно надо выразить благодарность.

Во-первых, уже упоминавшемуся блогеру (<http://honestil.livejournal.com/profile>) – внучке исторического прототипа, которая не побоялась разместить в Интернете свою семейную историю. Во-вторых, Михаилу Шрейдеру – практически единственному из репрессированных в годы «большого террора» видному чекисту, который сумел не только выжить, но и оставить воспоминания, которые я использовал при подготовке сценария¹. Предлагаемая вашему вниманию история в значительной степени (но отнюдь не целиком) опирается именно на этих два источника.

В-третьих, тем, кто помогал мне в работе. Это Лиза Бражникова, которая читала всё, что я ей присылал, и периодически требовала всё это переписать, но не из вредности, а затем чтобы стало лучше. Надо признать, что во многих случаях она была права, хотя я страшно ругался. Также это Маша Райтер, которая нарисовала обложку. Получилось жутковато, но так оно и должно быть.

Ну и наконец, издательству «Книга по требованию» и персонально Александре Стасюк. Без них вообще бы ничего это не случилось.

Что еще забыл? А вот: фотки все либо из интернета, либо снимал я сам. Если не дай бог вдруг нарушены чьи-нибудь авторские права, прощения просим: не со зла и не корысти ради. Пишите, вставим в текст ссылку на авторство.

Теперь точно всё. Приятного прочтения желать не буду, немного не тот случай. Хочется просто надеяться, что я не один такой и эта тема «зацепит» и «не отпустит» вас также как и меня.

С неизменным уважением к почтенной публике,
Дмитрий Адамидов.

Часть первая - Тамбов

Сцена 1: начало.

Деревенский пейзаж. Теплый солнечный вечер, последние дни бабьего лета.²

Титры: сентябрь 1921 года. СССР. Тамбовская область.

Камера постепенно приближается (средний план) и показывает обычный деревенский дом. В огороде трудится пожилая женщина - мать Николая. Сам, Николай, молодой парень 18 лет стоит у забора разговаривает с женой Настей. Жена беременна, на последнем месяце, вот-вот должна родить. Николай собрался на рыбалку, в руках рыболовные снасти и брезентовый солдатский вещмешок. Камера дает крупный план: лица Николая и его жены. Они смотрят друг на друга.

Настя: Коль, только не долго, да?

Николай: До завтра до вечера максимум. Вы давайте меня подождите с этим делом *(гладит жену по животу)*

Настя *(улыбаясь)*: ну с этим делом уж как получится.

Камера переходит на средний план: видны и молодые и мать Николая

Мать Николая *(встречает в разговор)*: с этим делом мы сами разберемся. Не впервой! А вот вы с Вовцом долго не шляйтесь. Отец вернется, надо вам уже дом достраивать.

Настя притворно закатывает глаза, мимикой показывая, что ей надоело ворчание свекрови.

Николай *(улыбаясь)*: я ж говорю: завтра вечером буду. Всё успею.

В кадр на заднем плане входит Володя и машет рукой.

Ну ладно *(целует Настю)*. Счастливо! *(притворно строго)* Давайте тут не особенно мне.

Настя *(смеется)*: Иди уже. *(машет вслед рукой)*

Николай догоняет Володю, они вместе уходят в сторону заходящего солнца. Солнце невозможно красивое: не то оранжевого, не то красного цвета. Камера дает крупный план: солнце освещает лицо Насти несколько секунд. Потом идет общий план того же самого

2 Здесь и далее кадры могут быть трех типов: обычные полноцветные (если не указано иное), псевдо-исторические: сепия, исторические: ч-б хроника.

деревенского пейзажа и трех крошечных фигурок: Насти у забора и Николая с Володей, идущих к лесу.

Сцена 2: ночь на рыбалке.

Ночь. У реки горит костер. У костра сидят Николай и Володя, варят уху.

Володя: вы переедете то скоро?

Николай: да все никак дом не достроим. Батя все время мотается с продотрядом, нету времени говорит. А одному никак. Но последний раз сказал: уже недолго осталось, до осени с «антоновцами» покончим точно.

Володя: ну не знаю, осень-то на дворе. Вон позавчера, говорят, опять в Кулябровке стреляли. Да и в лесу у нас тут тоже кто-то шастал. Дед мне говорил в воскресенье за грибами ходил, видел следы: схрон, лошадей несколько, ящики тяжелые по земле таскали. Явно тачанка и пулемет.

Николай: да ладно! еще скажи: гаубица там была: дед приврать мастак. Как бы там не было, с прошлым годом не сравнить. Помнишь, как тогда Борисоглебском грохотало – война натуральная. Надоело до жути: когда же жить то начнем нормально.

Володя: И не говори. О, по-моему, еще клюет! *(бежит к удочкам)*

Николай: Вовка не дергай только ... *(тоже идет от костра в темноту)*

Сцена 3: Николай в старости.

Камера показывает Николая в старости.

Титры: сентябрь 1993 года. Россия. Ленинградская область, Петродворец.

Николаю 90 лет. Он сидит в кресле на веранде собственного дома в Петродворце (Петергофе). Дом большой, можно сказать, что это особняк. Николай хорошо одет и вообще выглядит так, что с первого взгляда видно, что он обеспеченный человек и в прошлом большой начальник. Он молча смотрит на раскинувшийся пейзаж, который чем-то (но не полностью) напоминает пейзаж в сцене №1.

За кадром звучит голос Николая в старости (далее по тексту - ГНС).

ГНС: в моей жизни та ночь, наверное, была одной из последних безмятежно счастливых. Мы сидели с Володи рыбачили, болтали, выпили чуть-чуть «для сугреву». Казалось, что жизнь наконец-то вот-вот наладится, кончится война, голод, бандитизм повсеместная разруха. Настя скоро должна была родить, оставалось достроить собственный дом и казалось бы: живи-радуйся, расти детей, паши землю. Но жизнь распорядилась иначе.

Сцена 4: убийство семей Николая и Володи.

Ночью в деревню врываются антоновцы и убивают всех жителей. Они поджигают дом и последовательно убивают отца, мать и беременную жену Николая. Камеры последовательно выхватывает 3 или 4 лица убийц. На заднем плане горит дом Володи. И убийцы и жертвы что-то кричат, но их не слышно

Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: потом об антоновском мятеже потом насочиняют массу небылиц, как впрочем, почти обо всех событиях, которым мне пришлось быть свидетелем или участником. Возможно, там и была какая-то политика. Наверное. Но то, что видел я лично – это было просто жестокость, многократно умножавшаяся с каждым новым эпизодом.

Ежели по порядку, то мятеж начался летом 1920 года. Год выдался засушливый, и хлеба было собрано всего 12 млн. пудов. Между тем продразвёрстка не была уменьшена, составив 11,5 млн. пудов, что, разумеется, просто не могло быть выполнено многими хозяйствами физически.

По правде говоря, и без этого почва для недовольства была вполне подготовлена. Деятельность продотрядов никогда не отличалась особой справедливостью, но в случае с Тамбовской областью злоупотребления выходили за все мыслимые рамки.

Известна дошедшая до ВЦИК и Политбюро жалоба о злоупотреблениях продотряда Марголина. Который осуществлял порки, проводил мнимые расстрелы крестьян и членов сельсоветов, реквизировал скотину, которую запирали в одном из дворов не кормили несколько дней, забивали до смерти людей, причем это были чаще всего женщины и дети и вовсе не кулаки, а что ни на есть бедняки. Также реквизировали лошадей, которые использовались продармейцами

для собственных нужд. Также были зафиксированы случаи захвата телеграфных и почтовых станций продармейцами с целью недопущения отправки жалоб о творимых ими безобразиях в губисполком и ЧК³. Так что взрыв – это был вопрос времени.

Время наступило 15 августа 1920 года, был зафиксирован первый случай, когда был разоружен продотряд, реквизировавший у крестьян хлеб. Дальше – больше: практически за 15 дней восстание распространилось на всю Тамбовскую область, а также на соседние районы Воронежской и Саратовской областей. Повстанцы повсеместно ликвидировали органы советской власти, уничтожали её представителей и воинские гарнизоны и брали власть в свои руки. Карательных сил у большевиков в губернии было мало, а те, что были, очень быстро потерпели поражение.

В сентябре 1920 года была провозглашена «Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края». Во главе её стояло несколько человек, но в обиходе закрепилось название «антоновщина» по фамилии одного из руководителей Александра Антонова, хотя он точно не был главным действующим лицом.

Мятеж достиг максимального размаха к февралю 1921 года, когда численность повстанцев составляла 50 тыс. человек, объединенных в две армии. Они разгромили 60 совхозов, взяли под контроль практически всю Тамбовскую губернию (в руках большевиков остались только города), парализовали движение по Рязано-Уральской железной дороге, и успешно отбивали попытки советских войск вторгнуться на территорию восстания, нанося им большие потери.

Перелом наступил только после того, как закончилась война с Польшей, и весной 1921 года в губернию были стянуты регулярные войска под командованием Тухачевского. За несколько месяцев красным удалось разбить регулярные силы «антоновцев» и к лету 1921 года они были вынуждены уйти в леса и начать партизанскую войну. Это очень быстро привело к обоюдному террору. Красные брали заложников в деревнях, селах и на хуторах (это могли быть и старики, женщины и дети, да так и было чаще всего, потому что все мужики были в лесу с оружием в руках) расстреливали их или морили в концлагерях, устроенных по территории губернии в большом количестве.

«Антоновцы» мстили ровно таким же образом: нападали на

дома коммунистов, и лояльные властям деревни, где убивали и жгли всех без разбора. Как правило, в результате таких акций на одного коммуниста погибало 5-10 тех же женщин, стариков и детей.

В итоге по официальным данным в результате антоновского мятежа погибло 110 тысяч человек. И минимум еще столько же, я полагаю, не учли. Впоследствии я имел неоднократную возможность наблюдать, как велся учет подобный вещей. Да и не надо забывать, что грамотных то в 1921 году было не так чтобы очень много. Тут уж если цифры писать можешь, и то молодец: сотни с тысячами главное не попутай.

Наш хутор до поры до времени был в стороне от больших потрясений: там была не очень хорошая земля, небольшие объемы зерна и почти все жители были так или иначе родственники, потому крупных внутренних конфликтов удавалось избежать.

Но сейчас я понимаю, что если во всей стране война, то вряд ли от неё можно спастись: мой отец и его брат были членами продотряда, а троюродный дядька имел родственников среди «антоновцев» и весной укрывал их. Так что к нам с равной вероятностью могли нагрянуть, и те и другие. Первыми успели «антоновцы».

Сцена 5: Николай и Володя вернулись с рыбалки.

Камера показывает Николая и Володю, которые вечером следующего дня вернулись с рыбалки, и смотрят на пепелище. Володя бурно выражает свои чувства: кричит и ругается, плачет, падает на землю и рвет на себе волосы. Николай, наоборот, молча стоит, ни говоря не слова.

ГНС: Когда такое происходит с тобой, разумеется, первое - это шок. А дальше все зависит от человека. Вовка переживал страшно, волком выл сутки, три дня потом ходил сам не свой: натыкался на предметы, ничего не соображал. Но сравнительно быстро отошел. Напротив мой ум был ясен, я не кричал, почти не плакал

камера дает крупный план: по щеке у Николая течет слеза, но глаза злые и пустые

Но возможно не вполне отошел до сих пор. Тогда стоя на пепелище, я понял: у меня теперь нет больше ничего. Ни жены с ребенком, ни матери с отцом, ни младших сестер. И меня самого нет, ибо я погиб вместе с ними. Я теперь существо готовое бесконечно мстить, убивать всех: и правых и виноватых.

Николай идет по пепелищу, потом нагибается и поднимает что-